

Раздел 1. Теория политической лингвистики

УДК 81'27
ББК Ш100.62

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Т. И. Краснова
Санкт-Петербург, Россия
**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**
(опыт эпистемологического обзора
с концептом «Другой»)

Аннотация. Обзор периодов развития социологической лингвистики времени тоталитарного и посттоталитарного политического устройства в России. Оппозиционные отношения в сфере научных концепций, преодоление последствий идеологического давления в словесной культуре.

Ключевые слова: научный дискурс; контекст; идеология; словесная культура; риторический аспект марксизма; оппозиция; политическая лингвистика.

Сведения об авторе: Краснова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речевой коммуникации, высшая школа журналистики и прикладных коммуникаций.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Контактная информация: 197348, г. Санкт-Петербург, п/я 29.
e-mail: taikrasnova@yandex.ru.

T. I. Krasnova
St. Petersburg, Russia
**SOCIOLOGICAL LINGUISTICS
IN A POLITICAL CONTEXT**
(the experience
of the epistemic review)

Abstract. The article contains an overview of the sociological development of Linguistics in time periods of totalitarian and post totalitarian political regime in Russia. Oppositions in the sphere of scientific concepts, dealing with the consequences of ideological pressure in the verbal culture are described.

Key words: scientific discourse; context; ideological; verbal culture; political entity; the rhetorical aspect of Marxism; the opposition; political linguistics.

About the author: Krasnova Tatiana Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Verbal Communication, School of Journalism and Mass Communications.

Place of employment: St. Petersburg State University.

Эпистемология так или иначе входит в состав когнитивной науки (или же считается одной из когнитивных наук как таковых). Ее характеризует интерес к таким проблемам, как рост знания, его совершенствование в процессе движения вперед. Данная статья посвящена обзору периодов развития социологической лингвистики в России. В своем обзоре мы исходим из следующих положений.

- Между научными теориями могут быть как упорядоченные (или согласованные), так и конфликтные (оппозитивные) отношения.

- Научный дискурс, как и политический, при тоталитарном режиме проявляет признаки дискурса власти. Как и в политическом, в нем проступают элементы оппозиции, имеющие в условиях идеологического контроля определенную подоплеку. При советской власти это оппозиции *буржуазное/советское, традиционное/новое, диалогическое/монологическое, индивидуальное/общепризнанное, субъективное/объективное*.

- В это время можно говорить о сходстве научного и политического дискурсов по интенциям использования определенной формы — *категорического слова* — при воплощении замысла. Как и в политике, наблюдаемая позиция субъекта в научном дискурсе по сути рамочная («демиург» или «подданный»).

- В политико-идеологическом контексте при тоталитарном режиме приоритетная научная идея (идеологическая пресуппозиция) «парит» над мнениями и убеждениями. В гуманитарной науке она не терпит *Другого*, стремится соблюдать генеральное направление под диктатом властной установки.

Оппозитивные комплексы характеризуют человека, его отношения с окружающим миром (познание мира). Сама реальность предстает перед ним на основе разного вида противопоставлений. В частности, *понятие «концептуальной оппозиции» в аспекте противостояния различного* характеризует взаимодействие научных идей в сфере гуманитарного знания. Как известно [Краткий словарь когнитивных терминов 1997: 90], концепты сводят разнообразие явлений к чему-то единому, способствуют обработке и подведению информации под определенные категории. Разные объекты получают возможность рассматриваться как представители одного класса (категории). Такой категорией выступает в области философии и культуры концепт «Другой». Понятие *Другой* разрабатывалось прежде всего в феноменологии. Для Э. Гуссерля это проблема чисто познавательная. В социальном же плане претендующий на полноту своего бытия *Другой* служит источником конфликта,

проходящего через все возможные типы отношений между людьми [Новейший философский словарь 1998: 227].

Значительная часть исследователей считает: в науках гуманитарного цикла влиятельными факторами научных наблюдений всегда были не только психологические (характеризующие уровень активности познающего субъекта), но и идеологические — «заданность» наблюдений для получения определенного результата. Полностью отвлечься от этих факторов невозможно, и это обстоятельство создает проблему снятия с полученных исследователями результатов «субъективных напластований» [Там же: 452].

Тенденция к тотальности, т. е. к поглощению властью человеческой личности, была включена в систему тоталитаризма как претензия на всего человека — в его физической, психической и интеллектуальной сущностях [Ср.: Исаев 1992: 7]. Трансформируясь, словесная культура вносила в свое лоно навязанный ей *политико-идеологический конструкт*. Ниже мы рассмотрим это положение вместе с обзором этапов развития отечественной социологической лингвистики в идеологизированном контексте.

Развитие социологического направления лингвистики связано с XX в. в силу невиданной активности социальных процессов, движений и катаклизмов. Согласно В. М. Алпатову, изучавшему труды Е. Д. Поливанова и его предположения о причинах «поворота», выразившегося именно в искании путей социологической лингвистики, этот поворот произошел еще в 10—20-х гг. XX в., как раз в период войн. На Западе в это время работали такие крупные лингвисты, как Ф. де Соссюр, А. Мейе, Ш. Балли, Ж. Вандриес, К. Бюлер. **Социологический поворот** в лингвистике Е. Д. Поливанов считал общим свойством времени. Вместе с тем, если для европейской науки XX в. интерес к социальному аспекту изучения языка можно назвать по крайней мере характерным, то для русской науки внимание к этому аспекту — национальная традиция. В России в работах всех выдающихся лингвистов — Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, А. А. Потебни, Н. И. Крушевского, И. А. Бодуэна де Куртене, А. А. Шахматова — всегда рассматривалась проблема «язык и общество» и для комментариев привлекались смежные с языкознанием науки [Десницкая 1981: 86]. Обостренный интерес к социальной дифференциации языковых явлений послужил основанием для организации Петербургской (Ленинградской) школы, созданной Бодуэном де Куртене. Ученый считал, что основанием языко-

ведения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология.

Социологическое направление в языкознании охватывает разные школы, направления в России и за рубежом. Обзоры направлений и сборники работ по истории и теории социологической лингвистики стали регулярно издаваться в России в последней трети XX в., включая зарубежные работы и рецензии [Швейцер 1971; Десницкая 1981; Лысакова 1981, 2005; Язык и моделирование социального взаимодействия 1987; Язык в контексте общественного развития 1994; Звегинцев 1996; Сумерки лингвистики 2001; Романенко 2002; Рождественский 2003; Алпатов 2005; Салимовский 2005; Язык средств массовой информации 2008; Гулида, Вахтин 2010 и др.].

Вслед за историками лингвистики мы склонны рассматривать социологическое направление исследований очень широко: помимо известных работ 1920—1930-х гг. мы относим сюда последующие работы, связанные с изучением социальной дифференциации языка (стиля), в том числе посвященные проблемам ориентации говорящего на аудиторию и идеологического воздействия через язык. Поскольку центральной наукой в русле названного направления с 1960-х гг. стала так называемая социолингвистика, мы уделяем работам под ее началом особенное внимание. Кроме работ советских специалистов, мы используем материалы социолингвистического обзора в составе компендиума, посвященного русистике [Handbuch der sprachwissenschaftlichen... 1999; Живов, Земская, Крысин 2000].

Отметим также следующее. Современная западная социолингвистика (некоторые ее направления, связанные с изучением отражения в языке социальных процессов) концептуализируют *политику и язык*, неразрывные отношения между ними. Еще в 1990-х гг. на Западе вышли книги, в которых так или иначе используются новые идеи о связи языка с идеологией [См.: Алпатов 2005]. Термин «идеология» употребляется здесь с учетом того, что это *идеология политической власти*.

Политико-идеологизированный контекст и словесная культура. В нашу задачу входит подтверждение ряда функций идеологии и ее риторических контекстов в дискурсе лингвистики. Об *идеологическом подавлении* неугодных научных концепций в истории лингвистики социологического направления хорошо известно. Однако не меньшего внимания заслуживают две другие взаимосвязанные функции политической идеологии: **функция охранения** кон-

цепций, которые отвечали доктрине власти, и переплетающаяся с ней **вспомогательная функция** идеологии. Напомним, что слово «вспомогательный» имеет два значения: 1. Служащий для оказания помощи, поддержки. Ср.: *Вспомогательный капитал* (запасной) 2. Второстепенный, не главный, добавочный. Ср.: *Вспомогательные науки. Вспомогательное значение*. Далее мы стремимся показать, что оба этих значения актуальны для понимания ситуации, связанной с характером отношений политической идеологии и словесной культуры, в данном случае словесной культуры в ее научно-теоретической ипостаси.

Лингвоидеологический анализ тоталитарного дискурса представлен в известной работе Н. А. Купиной [Купина 1995]. Идеологические предписания проводились в тоталитарном дискурсе через мировоззренческие установки, облеченные в языковую форму идеологем. Ведущая семантическая сфера политики поддерживала процесс идеологизации через регулярные идеологические «добавки», и он внедрялся во все сферы общественного сознания, включая научную. Идеологизированный научный дискурс включал фрагменты такого *метадискурса*, который сигнализировал субъекту власти о нормативной позиции говорящего.

По А. П. Романенко, словесная культура — это, во-первых, *система нормативов*, по которым строится языковая жизнь общества, во-вторых, *общие принципы*, которые лежат в организации и языка, и речи, и языковой личности, и словесности, и филологических описаний — *всей языковой жизни общества*. Эти общие принципы с 1918 г. до так называемой перестройки, безусловно, зависели от авторитаризма и тоталитаризма культуры. Однако, как замечает автор, не исчерпывались этим обстоятельством [Романенко 2002: 118].

Больше всего нас интересовал революционный и пореволюционный периоды, когда создавались филологические работы А. М. Селищева, Е. Д. Поливанова, В. Н. Володинова и М. М. Бахтина, Р. О. Шор, Г. Г. Шпета и других ученых с непростой судьбой. Эти филологические сочинения должны были отвечать двум сторонам общественной практики — языковой и идеологической, — становиться близкими к достоверности историческими отражениями того и другого. В силу этого *дискурс о языке*, по выражению П. Серию, ставший «пунктом сплетения фундаментальных вопросов об отношениях между языком, историей и субъектом», является главным предметом нашего внимания. Влияние политической идеологии

на словесную культуру и теорию языка рассматриваются в русле философии языка и социологического направления лингвистики с привлечением данных эпистемологии и обзора тенденций в лингвистике последующего времени (включая начало 2000-х гг.).

Подавляющая и вспомогательная роль идеологии в науке о языке. Социальный и интеллектуальный контексты научного познания зависят от «времени» и «места» его возникновения и функционирования. Это особенно очевидно для России.

В годы революционного кризиса ведущей политической идеологией был марксизм (плехановского толка и «ленинского типа»). На первый план выдвинулось социологическое направление в познании человековедческих закономерностей и роли активного субъекта в историческом процессе. В дальнейшем с марксизмом связывают «технизм» и «операционализм», свойственные философии индустриализма, техногенному развитию философских идей.

В свое время Г. В. Плеханов обращал внимание на закон развития идеологических явлений по аналогии или в порядке противопоставления другому. Положению противопоставления в 1920-х гг. соответствуют два направления теоретической мысли в языкознании: *социологизм* (позднее под названием «вульгарный социологизм») и *абстрактный объективизм*, т. е. структурализм, восходящий к позитивизму в науке конца XIX в.

«Новой идеологии — новую науку» — так, в переложении П. Серию, представление о русской науке в эмиграции у евразийцев Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона, П. Н. Савицкого [Серию 2001 : 274]. По их убеждению, идеология идет впереди, а наука следует за ней; науку подталкивают вперед не открытия новых фактов, а *новый взгляд* на старые факты. Заслуживает внимания (а нам принципиально близок) самый подход П. Серию к описанию им научных идей, родившихся в рамках Пражского лингвистического кружка. Этот *другой* подход автор называет «сравнительной эпистемологией». Ее сжатую методологическую характеристику дает Н. А. Автономова во вступительной статье к авторизованному переводу книги Серию: «Как общая позиция» эта методология предполагает **«сопоставление различного, но сходного историко-научного материала, отказ от тезиса несоизмеримости»**. Как конкретная методика «она требует **тщательно-го перепрочтения текстов, затертых последующими интерпретациями**». «„Сравнительное“ здесь значит не имманентное, а открытое к иному познавательному опыту...» [Там же: 12].

Речь идет об интеллектуальных контекстах, или контекстах «предпосылочного знания», в качестве экстралингвистического фактора существования любой научной теории.

Если рассматривать эпистемическую ситуацию как модель процесса познания, то важнейшую роль среди экстралингвистических факторов познавательной деятельности играет комплекс субъект-объектных отношений. В нем все аспекты познавательной работы (онтологический, методологический и аксиологический) связаны с ценностной ориентацией познающего субъекта. В конкретном процессе вербального представления научного знания интеллектуально-духовная деятельность реализуется как деятельность оценочная [Рождественский 2003; Данилевская 2005]. Онтологический аспект имеет прямое отношение и к общественно-языковой практике, и к научной теории, которые взаимодействуют. Методологический аспект отражает стратегии в деятельности познающих субъектов. Аксиологический аспект присутствует везде. Оценочность лежит в основании эпистемической ситуации как связь с ценностными источниками смысла (т. е. в контексте с идеологическим преконструктом). Оценка сопровождается оценочными действиями исследователя, которые мы назвали бы **оппозитивно организованным выбором в модусе когнитивной реакции: принимаю/отвергаю; объективно/сомнительно, ложно; хорошо/плохо.**

Предполагается следующее.

1. В тоталитарном политико-идеологическом контексте ученые вольно или невольно становятся субъектами властной коммуникации. В гуманитарной сфере они имеют дело с идеологемами и фактами культуры, которые представляют собой либо *правило* либо *прецедент* (наименования взяты у Ю. В. Рождественского). Идеологемы не всегда прямо воспроизводятся в тексте, чаще они сосредоточены в пресуппозиции, но следы их присутствия ощущаются в рамках ведущей научной парадигмы.

2. Условный политико-идеологический субъект выполняет в научном дискурсе функцию насаждения и охранения (консервации) ведущей идеологической доктрины. Вместе с тем власть подчиняющей идеологии несет здесь не главную, а вспомогательную функцию. Нередко она вынуждена служить развитию научных идей, но их оформление носит зависимый от нее характер.

Ниже обозначены периоды воздействия политико-идеологического контекста, его доктрины и субъектов власти на дискурс о языке. По степени выраженности идеоло-

гического влияния на общество в целом традиционно выделяются 1918—1950-е гг. (интенсивно выраженная идеологизация) и 1960—1970-е гг. (консервация стержневой идеологии, «ленинских норм»). С последующими десятилетиями связывают признаки **деидеологизации** и рецидивов прежней идеологии. Положения, близкие к данной периодизации, находим здесь: [Handbuch der sprachwissenschaftlichen... 1999; Живов, Земская, Крысин 2000].

1918—1950-е годы: НОВЫЙ ЯЗЫКОВОЙ СТАНДАРТ И РАБОТЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОМУ РАССЛОЕНИЮ ЯЗЫКА; РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МАРКСИЗМА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ. Начиная с 1920-х гг. в истории советской лингвистики преобладал марксистский подход. Хотя еще у античных истоков лингвистики намечаются два будущих пути языковой теории (материалистический и идеалистический), учение о формальных сторонах языка и художественной речи было вытеснено учением Н. Я. Марра о семантике, о первенстве идеологического содержания над формой. Исследователи отмечают: «Русское языкознание, столь плодотворное своими идеями и масштабными разработками (здесь можно назвать, например, развернувшиеся в 10-е — 20-е гг. XX в. планомерные диалектологические исследования на европейской территории России), оказавшись в 30-е — 40-е гг. зажатым в тиски тем, что мы сейчас называем „административными мерами“, и неся потери в своем кадровом потенциале, нередко трагические — вряд ли смогло бы переломить грубую силу внешнего воздействия» [Лаптева, Благова, Маковский, Строкова 2002: 48].

В 2001 г. вышел беспрецедентный сборник работ под названием «Сумерки лингвистики: из истории отечественного языкознания» (Антология). Впервые советская лингвистика 20—50-х гг. оказалась подробно представленной в одной книге. Составители сборника отмечают: «История науки — важнейшая отрасль знания: наука предстает не как набор непреложных истин, а как борьба за их установление, — тяжелая, далеко не всегда ведущаяся джентльменскими методами» [Сумерки лингвистики 2001: 140]. Рецензент этой книги К. Г. Красухин в журнале «Вопросы языкознания», размышляя о названии сборника, пишет: «Сумеречное состояние души — вовсе не предрассветное; последняя часть вагнеровской тетралогии — „Götterdämmerung“ — это именно „Сумерки богов“, преддверие их гибели» [Красухин 2003]. В сборнике под названием «сумерок» объединяются те направления советской лингвистики, которые *сознательно порыва-*

ют с традицией. Их важнейшие черты оптимистичны. Это резкое неприятие буржуазной лингвистики и восторженное отношение к марксизму (опозиция буржуазное/советское). Но составители сборника все же предостерегают от однобоких оценок периода 1918—1957 гг. в советском языкознании. И обоснованно.

В 1920—1930-х гг. появился ряд работ, содержащих *другие* — конкретные и «неидеологизированные» — наблюдения *социально обусловленных изменений* в языке (известные работы А. П. Баранникова, А. М. Селищева, Е. Д. Поливанова, Г. О. Винокура и др.).

Спустя многие десятилетия выдающаяся роль Е. Д. Поливанова в развитии «социологической лингвистики» стала общепризнанной. Подчеркивается значимость трудов М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, В. М. Жирмунского, Б. А. Ларина, Л. П. Якубинского для укрепления позиций этого направления лингвистических исследований. Е. Д. Поливанов разработал принципы и понятия теории *нового языкового стандарта*, указал его отличия от дореволюционного языкового мышления, присущего интеллигенции; социологически и теоретически обосновал *нормализаторский процесс*, называемый «упрощением» языка [Подр.: Романенко 2000: 154—157]. В своем терминологическом словаре, как и в других работах, Е. Д. Поливанов писал о «марксистской лингвистике». В сущности это было обоснование *другой* словесной культуры, противопоставленной лингвофилософской концепции Н. Я. Марра.

Говоря о марксистских истоках ряда лингвистических идей, современные историки науки считают, что их нельзя игнорировать, но не стоит и переоценивать. В частности, марксизм в деятельности Е. Д. Поливанова и других советских ученых той эпохи играл в их лингвистической деятельности примерно ту же роль, что евразийские истоки лингвистических идей Н. Трубецкого и Р. Якобсона. Они *стимулировали выбор той или иной точки зрения, тех или иных решений, нередко самого объекта рассмотрения*. Но из этого не следует, считает В. М. Алпатов [Алпатов 1999], что существовала какая-то особая евразийская, как и марксистская, лингвистика. Данное суждение представляется нам не только верным, но и прозорливым. Приведем свои доводы.

Во-первых, политико-идеологический контекст с его вниманием к социальному расслоению общества способствовал *общему развитию социологического направления* в отечественном языкознании. Уже в 1920-х гг. имелся важный опыт изучения

языковых особенностей малых групп населения (коллективов). Кроме новых черт языка в речевой жизни общества, исследовались и были описаны особенности речи отдельных классов и социальных групп: рабочих, крестьян, красноармейцев, уголовников, подростков, школьников и т. п. В работе 1929 г. Р. О. Шор обращает внимание на факты экспрессивности слова, устанавливая их связь с **«социальной диалектологией»** [См.: Шор 2001]. Она пишет, что по выбору слов, по характеру их расположения, психическому состоянию и отношению к общаемому воспринимающий квалифицирует говорящего как представителя той или иной общественной группы. Истолкование переносится на самые слова в зависимости от того контекста, от того умонастроения, от той общественной группы, в которой слова обычно употребляются... Заключение, сделанное Р. О. Шор, соответствует духу современных дискурс-исследований, посвященных разновидностям профессионального или этнического дискурса (труды В. И. Карасика, И. А. Стернина и В. З. Демьянкова, С. В. Ермакова, Т. В. Михайловой, И. Е. Ким, Е. В. Осетровой и др.).

Во-вторых, политико-идеологический контекст инспирировал *новый способ актуализации* научных проблем: их связь с марксизмом, с идеологией. Так, в комментарии В. Н. Волошинова к написанной книге можно увидеть необычное разъяснение роли социологического метода в лингвистике через главный объект научных интересов самого ученого (чужую речь). Факт создания новой «социологической металингвистики» укрупняется, эпистемическая ситуация предстает как новое открытие в марксизме. Сравните: «„Марксизм и философия языка“» есть не что иное, как перформативное высказывание о том, что такое „высказывание“, опыт „металингвистики“, проблематизирующий лингвистику с помощью „социологического метода“, то есть посредством господствующего языка времени — „чужой речи“. Это первое по-настоящему новое открытие в марксизме в плане теории идеологии» [Волошинов 1993: 176—177].

Общественно-языковая практика 1920-х гг. соответствовала приписанному чужой речи статусу господствующего языка времени. Эта практика определялась устно-ораторическими условиями коммуникации. Интенсивная общественно-языковая практика имеет, конечно же, прямое отношение к возникшей в эти годы фундаментальной *концепции диалогичности* Бахтина — Волошинова (работа «Марксизм и философия языка»). А. М. Селищев, характеризуя «ре-

волюционное время», пишет об «усиленной речевой деятельности в среде населения, охваченного революционным движением», о доминирующей «ораторско-диалогической» форме речи. В своей работе ученый описывает не просто язык эпохи. Его внимание привлекают три функции речи, имевшие «весьма большое значение в революционные годы»: *коммуникативная, эмоционально-экспрессивная и назывная* [Селищев 2003: 65—69 и далее]. Согласно автору, различие между языком революционного времени **до** 1917 г. и языком **после** Октября заключается в «степени интенсивности и широте распространения указанных языковых особенностей» [Там же].

Вернемся к идеологической проблематике, т. е. к вопросу о степени влияния ведущей политической идеологии на языкознание того времени.

На этот вопрос существует несколько ответов. Марксизм определяют либо как искусственно привнесенное в языкознание содержание, либо как органическое свойство советской философии языка, либо, ввиду сложности проблемы, учитывают связь того и другого. При этом, считает А. П. Романенко [Романенко 2001], нужно различать, с одной стороны, взаимоотношения советской философии языка и *марксизма как теории*, с другой — взаимоотношения ее и *марксизма как риторической, речевой практики*. Первый аспект проблемы, внутренний, касающийся самой теории языка, исследуется давно. Второй аспект, внешний, в историко-лингвистической литературе по существу малоизучен. Он составил предмет примечательной статьи А. П. Романенко и отчасти наших наблюдений.

С прагматической точки зрения *риторический аспект марксизма* выполнял в дискурсе науки мотивировочно-вспомогательную функцию: помогал работам получать «пропуск» на выход в свет в эпоху тоталитарного режима. Явление вполне объяснимое, и не только прагматическое. Гуманитарная научная речь все больше становится в это время царством «мнений», причем заведомых мнений (о чем писали М. М. Бахтин — В. Н. Волошинов). Но даже и в этих мнениях, отмечают авторы, «выступает на первый план **не то, что** в них собственно „мнится“, а **как** оно индивидуально или типически мнится... идеологам этого процесса» [Волошинов 1995: 380]. П. А. Флоренский — ученый-энциклопедист, математик, искусствовед, филолог, философ, богослов — также имел основания говорить о субъективности науки в эпоху тоталитаризма [Флоренский 1988: 88]. Можно говорить *об идеологи-*

ческой субъективности тех самых общих принципов, которые лежат в организации советской словесной культуры («лишь ею построенных схем и фикций», по словам автора). Но политический контекст сигнализировал своим метадискурсом о противоположном, и в субъективности уличалась *другая* сторона.

Типичный пример оценки «сигнальным способом» (с помощью идеолога) находится в ставшей историческим памятником *вступительной части* статьи о модальности (публикация относится к 1950 г.): «В буржуазном языкознании категория модальности, понимаемая обычно искаженно — в субъективно-идеалистическом плане, иногда рассматривается как основа смыслового единства и вместе с тем как принцип дифференциации всех цельных синтаксических выражений мысли, чувства и волевого импульса <...>. В советском языкознании изучение категории модальности и средств ее выражения в разных языковых системах должно исходить из основных принципов диалектического материализма и осуществляться в тесной увязке с материалистической теорией предложения» [Виноградов 1975: 53]. Очевиден ритуальный смысл вступительной части. Присутствуют враждебные оценки в духе идеологии борьбы, характерной для *образа ратора* в советскую эпоху. Выбранная автором тактика (О. А. Лаптева, М. М. Маковский и др. говорят об «искусном и успешном лавировании») характеризуется как вынужденная: она применялась в условиях партийного руководства в рамках общепринятой научной парадигмы.

После решающей для советской лингвистики сталинской коррекции положения дел в советской философии языка происходит **возврат к парадигме «абстрактного объективизма»**, основанной на принципе условности знака [См.: Алпатов, Вельмезова 2003]. Категория «объективной модальности», сконструированная в оппозиции к «субъективной модальности», относится к знакам такой парадигмы. В политико-идеологическом контексте из философских оппозиций материалистическое/*идеалистическое*, объективное/*субъективное* выростала политико-идеологизированная оппозиция советское/*буржуазное*. Буржуазная наука связывалась с идеалистически субъективным (ограниченным и порочным) взглядом на вещи, советская — с диалектическим объективно-научным пониманием вещей.

В литературе отмечалась связь этих явлений с номинализмом. Базовый тезис номинализма связывает существование общих понятий онтологического статуса только

со сферой мышления. В крайнем своем варианте номинализм послужил основой субъективизма в гносеологии. Одна из простейших форм политической власти, по замечанию П. Бурдьё, заключалась «в почти магической власти называть и вызывать к существованию при помощи номинации» [Цит. по: Почепцов 2001: 194]. Не случайно речь монологическая (авторитарная) вызывает у М. М. Бахтина сомнение и неприятие [Проблема другого голоса... 2003: 160].

Так или иначе право голоса отдается *идеологическим субъектам властной коммуникации*, ими определяются принципы организации научного дискурса (общего для ученых «канала-посредника»). *Другой* голос не имеет нужного резонанса в коллегиальном сообществе. Такой «нерезонансный» факт из истории научных идей в филологии приводит В. М. Алпатов [Алпатов 2005: 279]. Прочитав выдержку из его работы полностью, так как в ней содержится указание на современное направление социологических исследований: «Концепция Виноградова учитывала неоднородность языка, например русского, но сводила ее, в первую очередь, к противопоставлению национального литературного языка разным нелитературным образованиям: просторечию, территориальным и социальным диалектам. Последние многообразны, но литературный язык более или менее един. Однако Бахтин подчеркивал, что и литературный язык „разноязычен“: объектом его изучения становится „внутренняя расслоенность единого национального языка на социальные диалекты, групповые манеры, жанровые языки, профессиональные жаргоны, языки поколений и возрастов, языки направлений, языки авторитетов, языки кружков и мимолетных мод, языки социально-политических дней и даже часов“» [Там же]. Своего рода экспликацией положения дел в науке того времени можно, по видимому, считать содержание раздела «Бахтин и Виноградов. Опыт сопоставления личностей», а также содержание других историографических эпизодов в указанной книге В. М. Алпатов [Алпатов 2005].

Интерес к лингвистике начального периода советской власти, к изучению языка тоталитаризма и ситуаций, с ним связанных, обнаруживает себя и за пределами России. 2—4 октября 2003 г. в Швейцарии состоялась международная конференция «Дискурс о языке в тоталитарных режимах». Большая часть докладов была посвящена дискурсу о языке в тоталитарных обществах в историческом аспекте, начиная с древних эпох. В 2002 г. состоялся первый в Западной Европе международный коллоквиум, посвя-

щенный эпистемологии советской лингвистики — «Философские, эпистемологические и идеологические основания дискурса о языке в СССР. 1917-1950» [Вопр. языкозн. 2003. № 2. С. 150—153]. Оба научных события организованы крупным специалистом в области сравнительной эпистемологии центрально- и восточноевропейской лингвистики, профессором кафедры славистики Лозаннского университета П. Серио. Одна из основных целей коллоквиума 2002 г. состояла в изучении малоисследованного аспекта советской культуры 1917—1950 гг., связанного с разными подходами к понятию «язык». Планировалось обратиться не только к работам профессиональных лингвистов, но и к трудам представителей других специальностей, затрагивающих языковые проблемы. Часть докладов посвящена анализу понятия «марксистской науки» и отношений между наукой и идеологией.

В России, по замечанию П. Серио, эпистемологические исследования в области истории языкознания ведутся очень немногими. Книгу самого профессора П. Серио, посвященную анализу структуры и смысла советского политического дискурса [Seriot 1985], отрецензировали по венаучным причинам с опозданием на 5 лет. Подход же к политическому дискурсу не с идеологической, а с *другой* — чисто научной точки зрения — не был еще принят в России. «И в целом политический дискурс остается пока terra incognita для отечественных языковедов», — отметил в начале 1990-х гг. рецензент публикации [Красухин 1991].

Сейчас положение в корне изменилось. Но ведь еще в 1990-х гг. В. М. Алпатов рассматривал различные попытки построения марксистской лингвистики в СССР (в 1920—1930-х гг. это марристы, языкофронтовцы, Е. Д. Поливанов). Причины влиятельности марксизма (в частности, марризма) в советском языкознании он мотивировал влиятельностью *мифа*, а не науки.

Советская философия языка, согласно А. П. Романенко [Романенко 2001], имела не столько научно-теоретическую, сколько **культурно-прагматическую значимость** (о чем говорит и сам факт вмешательства в нее И. В. Сталина). А. П. Романенко показал культурный детерминизм советской философии языка, смог объяснить ее специфику особенностями мифологизированной культуры, общественно-языковой практики и попытался понять **неслучайность борьбы** (по нашей терминологии — с *Другим*) и **выбора теорий языка** в этой культуре. В частности, лингвофилософские теории Поливанова и Марра отвечали «разным культурным

моделям», поэтому их оппозиция стала очевидной. Первая модель ориентировалась на преемственность и новаторство с учетом традиции, *другая* модель — на разрыв с традицией, культивирование «нового учения о языке». Отсюда их конкуренция, закончившаяся подавлением концепции Е. Д. Поливанова.

По утвердившемуся мнению, есть три устойчивые традиции отношения ученых к периоду советской власти в науке (нижняя временная планка — 1918 г., верхняя — более условна). Это конформистски-националистическая традиция отношения (после появления работ Сталина), конформистски-монистическая традиция отношения в 1950—1970-х гг. и плюралистически-пессимистическая традиция отношения в 1980—1990-х гг. (с преобладанием мрачных оценок). Составители сборника «Сумерки лингвистики» В. Н. Базылев и В. П. Нерознак связывают последнюю границу с окончанием «сталинского» периода и обращением отечественных языковедов к достижениям зарубежной науки.

1960—1970-е годы: УТВЕРЖДЕНИЕ ПРИНЦИПА ФУНКЦИОНАЛИЗМА; АКТИВИЗАЦИЯ ЛИНГВОСОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВО ВСЕМ МИРЕ; ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ. С 60-х гг. XX в. подвергся пересмотру ряд теоретических положений господствовавшей в то время в Америке генеративной лингвистики, которая рассматривала язык в «очищенном», идеальном виде. Правда, сам Н. Хомский считал, что все направление генеративной грамматики развивалось в контексте «когнитивной революции» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 71].

Постепенное утверждение принципа функционализма стимулировало широкое развитие функционально-стилистических исследований, которые вливались на правах ведущих в социологическое направление отечественного языкознания. В его составе *функциональная стилистика* с «узаконенным» ею обращением к внеязыковой действительности и участникам коммуникации смыкалась с *социолингвистикой* [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 493]. Прикладной поначалу раздел языкознания, стилистика в условиях господства структурализма стала продолжателем научной традиции, связанной с общим учением об «употреблении языка». Функциональный подход к описанию языка и речи с позиций стилистики (текстовой, функциональной, генетической и декодирования, прагматической, практической, теоретической, исторической, сопоставительной) стал преимущественным в исследованиях и студиях не-

скольких десятилетий, можно сказать сложившейся национальной традицией. Весомый вклад в развитие лингвистической стилистики и в становление отечественного речеведения принадлежит М. Н. Кожинной и ее последователям.

Широкое распространение получили другие — не классово-идеологические, а вполне «рабочие» — понятия социолингвистики: *коммуникативная компетенция, речевой акт, регистр, языковой барьер, ограниченный языковой код, речевое сообщество (speech community)* и пр. Они стали общепринятыми. Русистика 1960-х — начала 1970-х годов отличается такой же интенсификацией социолингвистических исследований, как и за рубежом. Если советская наука в 1920—1940-х гг. противопоставляла себя западной лингвистике как буржуазной, то в этот период устанавливаются более регулярные связи с различными направлениями лингвистических исследований в других странах. В качестве примечательной особенности советской социолингвистики последней трети XX в. отмечают ее отход от умозрительных концепций.

Доминирующий пафос периода 1960-х гг. в СССР был антисталинским, критически-разоблачительным. Массовая аудитория, ее интересы были вполне включены в систему СМИ, а языковой стандарт ориентировался на ораторику массовой коммуникации. Не случайно в начале 1960-х, говоря о том, что Институт русского языка АН СССР не оказывает должного воздействия на общественную языковую практику (отклик на партийную критику), академик В. В. Виноградов ставит задачу широкого изучения языка массовой коммуникации. Это определило научную деятельность и коллективов, и отдельных ученых. Появились хорошо известные теперь труды В. Г. Костомарова, Г. Я. Солганика, М. Н. Кожинной, К. А. Роговой, И. П. Лысаковой, Л. М. Майдановой и многих других.

В годы «застоя» и начала перестройки внимание исследователей привлекают *социальные вопросы функционирования и дифференциации языка*. Самыми актуальными становятся *вопросы эффективности идеологического воздействия и фактор социальной оценки в публицистике*, предполагающий оперирование ментальными представлениями воспринимающих речь.

Затронем тему отношения российской социолингвистики с наукой за рубежом. Она специально рассматривалась в данном сборнике: [Handbuch der sprachwissenschaftlichen... 1999]. Отвечая на вопрос, как воспринимались в СССР идеи и концепции за-

падной науки того же направления, зарубежные авторы отмечали следующее. Хотя в 1970-х гг. становятся известными многие работы У. Лабова, Д. Хаймса, Ч. Фергюсона, Дж. Гамперца, С. Эрвин-Трипп и других американских исследователей (см., в частности, 7-й выпуск «Нового в лингвистике» за 1975), несколько позднее — книга Р. Т. Белла «Социолингвистика» (1980), многие представители советской науки критикуют западных и американских авторов за «внеклассовый» подход к изучению социальной обусловленности языковых явлений, за гипертрофированное внимание к исследованию речевого поведения человека в малых социальных группах и, напротив, за пренебрежение к макропроцессам, протекающим в больших языковых коллективах.

К 1970-м годам и в 1970-е гг. в России выходит ряд работ, **основанных на массовом социолингвистическом материале и лишенных примет идеологизации.** Прежде всего это четырехтомная монография «Русский язык и советское общество», выполненная под руководством М. В. Панова (1968), затем «Русский язык по данным массового обследования» (1974), сборник «Социально-лингвистические исследования» (1976) под ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелева. Добавим: для теоретического обоснования позиций социолингвистики среди других дисциплин видную роль сыграли также работы В. А. Звегинцева, А. Д. Швейцера, Л. Б. Никольского и других исследователей.

В это же время за рубежом (Франция) отмечены резкие теоретические столкновения между теми, кто в рамках зародившейся *теории дискурса* пытался «соединить» язык, идеологию и дискурс, и теми, кто, будучи близок к узкой проблематике социолингвистики, занимался исследованием различий языка социальных групп. П. Серио отмечает, что западные специалисты, не знавшие русского языка, не задавались вопросом о возможном отличии советской социолингвистики, которая изучала в значительно большей степени «отражение» действительности в языке, чем это было на Западе. В то же время зарубежные коллеги высказывали мнение, что и в годы перестройки, и после нее западные социолингвистические идеи воспринимаются в России неохотно. Отмечалось и характерное *несоответствие* в теоретических установках советских исследователей: официально декларируется подход с марксистско-ленинских позиций, а в конкретных исследованиях, содержащих наблюдения над современным русским языком, этот подход может не отражаться. Между тем это явление для того времени впол-

не объяснимое. Для общественно-языковой практики России (СССР) 1970-х — первой половины 1980-х гг. характерна *усиливающаяся ритуализация речевых действий и условий общения, ориентация языкового стандарта на документ.* В то же время в противовес казенной речи выделился в качестве особой коммуникативной системы **разговорный язык** с его «антитоталитарным механизмом языковой самообороны» (А. Вежицкая).

Нельзя не заметить один важнейший сдвиг в развитии зарубежной лингвистики этого времени. В 70-х гг. прошлого века возникла потребность «определить науку об идеологии, основной составляющей которой должен был стать *анализ дискурса*» [Серио 1999: 20; курсив наш. — Т. К.]. Как и в русской концепции Бахтина и Волошинова, во французской школе анализа дискурса «стало утверждаться широкое семиологическое понимание слова „идеология“. Рассматриваются факты, в которых наблюдается их неадекватность эмпирическому миру в силу их искажения или упущения; подчеркивается их химерический характер идеологии...» [Там же]. Появление новой парадигмы научных исследований знаменовал *когнитивизм*. С ним пришло новое понимание того, как следует изучать знание, как подойти к проблеме внутреннего представления мира в голове человека.

1980-е годы в отечественной лингвистике, как отмечается, характеризуются **«реабилитацией» властью конкретных социологических исследований**, что отразилось на социолингвистических студиях. Раньше преимущественное внимание уделялось макропроцессам, что было свойственно ортодоксальной советской лингвистике (указываются, например, работы Ю. Д. Дешериева). Теперь изучаются языковые явления, характерные для малых социальных групп [См.: Гулида, Вахтин 2010].

С 1980-х гг. активизировались исследования языка города, языка толпы. Внимание привлекает не только устная речь, просторечие, но и «городская» речевая коммуникация в целом (этой теме посвящены коллективные монографии, известные работы М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, Н. А. Купиной, В. Д. Черняк и мн. др.). Заметным явлением в отечественной лингвистике, ознаменовавшим наступившую **смену научной парадигмы**, стал выход в свет книги Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (1987) и коллективной монографии института языкознания АН СССР «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» (1988). В социолингвистике

впервые получила описание *типологическая модель газетного издания* с набором обязательных семантико-стилистических компонентов, которые варьируют как социо-переменные в зависимости от идеологической и политической позиции газеты [Лысакова 2005].

Особенностью социальной лингвистики последней трети XX в. стала ее *ориентированность на эмпирические исследования* — одна из примет функционализма и когнитивной лингвистики. Не умолкают споры о преимуществах эмпирического подхода к изучению объектов перед заранее заданным рациональным подходом к их познанию. Для 1980—1990-х гг. характерен интерес к языку перестройки, к субвариантам русского языка (до этого игнорировавшимся), лексикографическая фиксация языковых инноваций, исследования по темам «язык ребенка», «язык семьи», «язык города», «тоталитарный язык», «язык Совдепии» и др. Особый вклад в развитие лингвосоциальных исследований внесли работы, посвященные языку русского зарубежья и охватывающие как устные, так и письменные источники материала [Голубева-Монаткина 1994, 1995 и др.; Грановская 1993, 1995; Гловинская 2001; Зеленин 2007 и др.].

Вернемся к периоду **1990-х годов**. Отдельно следует сказать **о пробудившемся интересе исследователей к разным аспектам языка политики и массовой коммуникации**. «Язык перестройки» получил освещение в работах А. Н. Баранова, А. Д. Дуличенко, Е. А. Земской, Ю. Н. Караулова, И. П. Лысаковой, В. И. Максимова (за рубежом об этом писал L. N. Zybatov в 1995 г.) и др. В них изучаются такие процессы, как новшества в области политического языка (заимствования и новообразования, метафоризация по новым моделям); формирование своеобразного «новояза», новых стереотипов; расширение возможностей свободной речи, позволяющей отходить от официальных канонов за счет использования не-литературных языковых средств.

В 1990-х гг. вышла монография Н. А. Купиной «Тоталитарный язык» [Купина 1995; ранее: Михеев 1991] о закономерностях формирования и структурирования «советской», т. е. идеологизированной семантики; разрабатывается понятие сверткста. Предмет особенного внимания и заботы лингвистов — «культура парламентской речи» (одноименная монография вышла в 1994 г. [Культура парламентской речи 1994]).

В другом для России политическом контексте язык в его орудийном использо-

вании осознается на практике как «инструмент социальной власти» (Р. Блакар). В статусе востребованной обществом дисциплины развивается общая и прикладная риторика [Юнина, Сагач 1992; Рождественский 1997, 1999; Михальская 1996, 1998; Введенская, Павлова 1998; Культура русской речи 1998 и др.]. В ряду сочинений риторической проблематики видное место, вслед за Ю. В. Рождественским и А. К. Михальской, занимают работы А. П. Романенко, посвященные проблемам описания специфики советской словесной культуры и образа ратора в ней, а также вопросам научной эпистемологии. Коллеги за рубежом отметили многообещающий для российской науки факт: в постперестроечное время происходит *деидеологизация* лингвистической теории (во всяком случае, отход ее от марксистско-ленинских догм) и снятие табу с тем, при изучении которых наиболее плодотворен именно социолингвистический подход.

Весомым аргументом в пользу демократизации общества и реального состояния дисциплин, востребованных для целей коммуникации, выступает развитие в нашей стране *политической лингвистики*. Нет сомнений в том, что это следствие благоприятной политической обстановки в новой России. Именно эта обстановка (или контекст) способствует адекватному изучению отображения в речи множественных социально-политических процессов, демонстрации в слове так называемого плюрализма мнений, борьбы политических субъектов, а нередко и столкновения голосов «партий власти» и голоса «народного мнения». Регулярно проходящие в Екатеринбурге на базе Уральского государственного педагогического университета конференции по политической лингвистике показывают возросшую роль теоретической и практической подготовки кадров по политической лингвистике в вузах страны.

В современном политическом контексте и связанной с ним социальной лингвистике, с одной стороны, растет в политической борьбе значение лингвистической экспертизы и изучения отношений в системе «язык — право», а с другой — очевиден интерес исследователей к неофициальной политической рефлексии в частных блогах, к способам выражения «народного» мнения (Е. С. Кара-Мурза, Н. Д. Голев, Ю. А. Антонова, С. В. Иванова, А. В. Шанина, Л. Г. Ким и др.). Развитию политической лингвистики способствует благоприятная идеология власти — демократическая по своему существу, хотя и осмотрительно контролирующая (и комментирующая) возникающие кон-

фликтные ситуации. Демократическая открытость обеспечивает возможность изучения, невзирая на лица, прецедентных феноменов (М. Б. Ворошилова, Н. Л. Зеленская, В. А. Копцева, Е. А. Нахимова), множатся аспекты сравнительного анализа (Л. Р. Ермакова, А. П. Седых, М. Г. Мартыненко, Т. П. Смирнова и др.), политическое время рассматривается в зеркале метафоры (школа А. П. Чудинова; Р. Д. Керимов, О. Н. Кондратьева, Н. А. Сегал и др.), а изменчивое слово — в контексте политического дискурса (О. С. Иссерс, Д. А. Ганеева, Н. В. Козловская), в том числе с рассмотрением моментов проявления социальной напряженности (Т. И. Стексова) и выражения протеста (Н. Б. Руженцева, А. А. Коряковцев).

Как видно из материалов многочисленных публикаций журнала «Политическая лингвистика», происходит активный обмен идеями и накопление опыта в области социологических исследований в нашей стране. Аспекты лингвистического подхода к анализу «поля политики» множатся и разветвляются. В их число неожиданно попадают, наряду с речевой самопрезентацией и конструированием имиджа политика, манипуляторный потенциал социальной рекламы, коммуникативные стратегии и тактики текстов религиозной организации и многое другое из того, что раньше не решались подвергнуть анализу.

История изучения словесной культуры показывает непосредственную *связь политики, общественно-языковой практики и теории языка*, что необходимо учитывать при изучении как истории науки, так и истории словесной культуры. В связи с формулировкой принципов «археологии знания», изучающей историю идей, наук и ментальностей, М. Фуко подчеркнул главную цель: выявлять социальные взаимодействия, во-первых, между различными видами речевых практик с установлением чего-то общего, принадлежащего истории; во-вторых, между различными речевыми практиками и внеязыковыми «структурами повседневности» (экономическими, социальными, политическими и прочими).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. — М. : Языки слав. культуры, 2005.
2. Аллатов В. М. Что такое марксизм в языкознании? // Общее и восточное языкознание : сб. науч. тр., посв. 70-летию чл.-кор. РАН В. М. Солнцева. — М., 1999.
3. Аллатов В. М., Вельмезова Е. В. Международный colloquium «Философские, эпистемические и идеологические основания дискурса о языке

в СССР. 1917—1950» // Вопросы языкознания. 2003. № 2.

4. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Культура и искусство речи. Современная риторика. — Ростов н/Д : Феникс, 1998.

5. Виноградов В. В. Избранные труды: исследования по русской грамматике. — М. : Наука, 1975.

6. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка (основные проблемы социологического метода в науке о языке) // Философия и социология гуманитарных наук / В. Н. Волошинов. — СПб. : Аста-пресс, 1995.

7. Десницкая А. В. О традициях социологизма в русском языкознании // Теория языка: методы его исследования и преподавания: к 100-летию со дня рождения Л. В. Щербы. — Л. : Наука, 1981. С. 79—87.

8. Гулида В. Б., Вахтин Р. Б. Петербургская социоллингвистика : пятнадцать лет развития // Вопросы языкознания. 2010. № 2.

9. Данилевская Н. В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2005.

10. Живов В. М., Земская Е. А., Крысин Л. П. [Рецензия] // Вопросы языкознания. 2000. № 5. Рец. на кн.: *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen* / Hrgb. von H. Jachnow. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1999.

11. Звегинцев В. А. Социальное и лингвистическое в социоллингвистике // Мысли о лингвистике / В. А. Звегинцев. — М. : Изд-во МГУ, 1996. С. 108—119.

12. Исаев И. А. Утописты или провидцы // Пути Евразии : русская интеллигенция и судьбы России. — М. : Рус. книга, 1992. С. 3—26.

13. Красухин К. Г. [Рецензия] // Вопросы языкознания. 2003. № 5. Рец. на кн.: *Сумерки лингвистики: из истории отечественного языкознания* : антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. — М. : Academia, 2001.

14. Красухин К. Г. [Рецензия] // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 132—137. Рец. на кн. : *Seriot P. Analyse du discours politique soviétique*. — P. : Institut d'études slaves, 1985.

15. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М. : Моск. гос. ун-т, филол. ф-т, 1997.

16. *Культура парламентской речи* : моногр. — М. : Наука, 1994.

17. *Культура русской речи* : учеб. для вузов / под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. — М. : НОРМА — ИНФРА М., 1998.

18. Купина Н. А. Тоталитарный язык : словарь и речевые реакции. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1995.

19. Лантева О. А., Благова Г. Ф., Маковский М. М., Строчкова Г. В. Как это было // Вопросы языкознания. 2002. № 1.

20. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Яцева. — М. : Сов. энциклопедия, 1990.

21. *Лысакова И. П.* Язык газеты : социолингвистический аспект. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1981.
22. *Лысакова И. П.* Язык газеты и типология прессы: социолингвистическое исследование. — СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2005.
23. *Михальская А. К.* Основы риторики : мысль и слово. — М. : Просвещение, 1996.
24. *Михальская А. К.* Педагогическая риторика. — М. : Академия, 1998.
25. *Михеев А. В.* Язык тоталитарного общества // Вестн. Акад. наук СССР. 1991. № 8.
26. *Новейший философский словарь* / сост. А. А. Грицанов. — Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998.
27. *Поливанов Е. Д.* Труды по восточному и общему языкознанию. — М. : Наука, 1991.
28. *Почепцов Г. Г.* Информационные войны. — М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2001.
29. *Проблема «другого голоса» в языке, литературе и культуре.* — СПб. : Янус, 2003.
30. *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. — М. : Добросвет, 1997.
31. *Рождественский Ю. В.* Принципы современной риторики. — М. : Новое тысячелетие, 1999.
32. *Рождественский Ю. В.* Принципы современной риторики. — М. : Флинта, Наука, 2003.
33. *Романенко А. П.* Советская словесная культура: отечественная история ее изучения // Вопросы языкознания. 2002. № 6.
34. *Романенко А. П.* Советская философия языка: Е. Д. Поливанов — Н. Я. Марр // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
35. *Романенко А. П.* Советская культура и язык // Активные процессы конца XX века : IV Шмелевские чтения. — М. : Азбуковник, 2000.
36. *Салимовский В. А.* Вклад М. Н. Кожинной в развитие лингвистической стилистики и становление речеведения // *Stilistika*. XIV. (Opole). 2005. С. 13—37.
37. *Селищев А. М.* Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество. — М. : Языки слав. культуры, 2003.
38. *Серио П.* Анализ дискурса во французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика : антология. — М. : Академ. проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001.
39. *Серио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М. : Прогресс, 1999.
40. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд. М. : Флинта : Наука, 2006.
41. *Сумерки лингвистики* : из истории отечественного языкознания : антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. — М. : Academia, 2001.
42. *Флоренский П. А.* Антиномия языка // Вопросы языкознания. 1988. № 6.
43. *Швейцер А. Д.* Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. — Л. : Наука, 1971.
44. *Шор Р. О.* Кризис современной лингвистики // Сумерки лингвистики: из истории отечественного языкознания : антология. — М., 2001. С. 41—71.
45. *Юнина Е. А., Сагач Г. М.* Общая риторика. — Пермь, 1992.
46. *Язык в контексте общественного развития.* — М. : Ин-т языкозн. РАН, 1994.
47. *Язык и моделирование социального взаимодействия.* — М. : Прогресс, 1987.
48. *Язык средств массовой информации* / под ред. М. Н. Володиной. — М. : Академ. проект : Альма Матер, 2008.
49. *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen* / Hrsgb. von H. Jachnow. — Wiesbaden : Harrassowitz Verl., 1999.
50. *Seriot P.* Analyse du discours politique soviétique. — P. : Institut d'études slaves, 1985.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова